

Даниил Ахмеров

Наталья Лебина. Хрущевка: советское и несоветское в пространстве повседневности. М.: НЛО, 2024. 422 с. ISBN 9785444822470.

*Даниил Ахмеров, факультет истории, Европейский Университет в Санкт-Петербурге; Институт русской литературы РАН (Пушкинский Дом), Россия.
d.akhmerov@eu.spb.ru.*

Книга «Хрущевка: советское и несоветское в пространстве повседневности» – попытка рассказать, как менялась жизнь советского человека на рубеже 1950–1960-х годов в контексте общемировых, главным образом западноевропейских, тенденций модернизации повседневности. Главная задача книги – «рассказать о “хрущевке” как о парадоксе, сочетающем в себе элементы “советского” и “несоветского”» (с. 20).

В процессе чтения становится понятно, что «советское» и «несоветское», вынесенное в заголовок, – не столкновение двух полюсов, не оппозиция, а диалог, в котором оформлялась идея массового типового строительства на рубеже 1950–1960-х годов. Один из главных тезисов книги заключается в том, что повседневность советских граждан определяли те же модернизационные процессы, которые трансформировали и жизненный уклад в «капиталистических» странах. Индивидуализация пространства – тот аспект модернизации, которому Наталья Лебина уделяет особое внимание: современность в странах Западной Европы и в СССР демонстрируется через процессы перехода от коллективного и публичного к интимному и приватному.

Как и во всех своих предыдущих работах, в новой книге Лебина обращается к концепту повседневности (Лебина 2008, 2014, 2015a, 2015b, 2019). В ее подходе это понятие означает материальность, которая сложилась в рамках некоторого пространства, определяющего «сценарии поведения людей», их *habitus* (с. 15). Опираясь на Пьера Бурдьё, она пишет, что «жилье [. . .] представляет собой одновременно физическую и социальную сферы, где в первую очередь разворачивается частная жизнь» (с. 13). Это позволяет автору рассматривать жилищную политику как проявление советской социальности и весьма красноречивое свидетельство происходивших в обществе 1950-х годов изменений.

Источниковую базу книги составляют постановления партийных и государственных органов, техническая документация, иллюстрации к сатирическому журналу «Крокодил», другие материалы периодической печати, энциклопедии по домоводству, словари и прочие свидетельства, например анекдоты. Используемые документы фиксируют положение дел в масштабах всего СССР, а не в рамках какого-то одного региона. Опора на эти источники позволила четко обозначить рамки и ограничения хрущевской жилищной политики; показать, как советская власть представляла повседневность жителей новостроек и с какими бытовыми трудностями сталкивались советские граждане в годы оттепели. Также исследовательница обращается к советской и к зарубежной художественной литературе, в которой

описаны реалии 1950–1960-х годов: массовое строительство типового жилья в СССР и странах Западной Европы разворачивалось примерно в одно и то же время, что позволило автору сопоставить точки зрения литературных персонажей на осмысленную в художественном нарративе историческую действительность.

Книга состоит из трех частей. Первая часть очерчивает культурные и пространственные контексты, окружающие хрущевки. Первая глава – по сути введение ко всей работе, поскольку здесь Лебина намечает контуры хрущевской жилищной политики как инструмента модернизации/вестернизации и десталинизации повседневности рубежа 1950–1960-х годов. В этой же главе автор прослеживает, как (пост)советские граждане называли массовое типовое жилье и какие особенности их повседневной жизни влияли на оценку хрущевок. Вторая глава – о том, как формулировалась идея микрорайона и каким образом эта новая единица городского планирования повлияла на повседневность советских граждан. Лебина показывает, что типовое жилое строительство и определение микрорайона как новой единицы планирования городской застройки – результат заочного (а в некоторых случаях и прямого) диалога советских архитекторов с зарубежными специалистами.

Во второй части книги автор изучает, каким образом хрущевки индивидуализировали повседневные практики, связанные с питанием и гигиеной. Первая глава – об идеях и технологиях, которые в 1950–1960-е годы изменили подходы советских граждан к организации пространства кухни и питанию в целом. Здесь Лебина показывает, что «хрущевская кухня» – результат модернизации быта и инструмент деструкции «большого стиля» в сфере питания. Во второй главе автор исследует те же процессы – модернизацию и десталинизацию, но уже через гигиенические практики и в пространстве санузла. Она демонстрирует, как трансформация материальности, которая окружала жителей новостроек, меняла существующие практики и создавала новые, часто не связанные напрямую с гигиеной и уходом за собой.

В третьей части Лебина исследует, как в жилых комнатах хрущевки кристаллизовались общие для Западной Европы и СССР представления о сне и отдыхе. Здесь первая глава рассказывает о том, как хрущевки трансформировали характер практик сна и прокреации: коммунальное (то, что «у всех на виду») сменялось приватным. Исследовательница прослеживает историю идеи интимности сна и секса в Западной Европе и России от середины XIX века и до строительства типового жилья в СССР на рубеже 1950–1960-х годов. Автор показывает, что обособление спальни в границах жилого пространства – аспект модернизации повседневности, который выделил из прежде безграничного коммунального быта сферу частной жизни советского человека. Во второй главе Лебина рассматривает перемещение досуговых практик из публичных пространств клубов, театров и домов культуры в приватные пространства общих комнат: комнаты для отдыха полагалось выделять и в «сталинках», но вместительность индивидуальных практик они стали именно в хрущевках. Для Лебиной этот сюжет – отправная точка в разговоре о дореволюционных практиках досуга в советском контексте, истории чтения в

годы оттепели и о том, как научно-технический прогресс третьей четверти XX века изменил подходы к способам проводить свободное время.

Несмотря на то, что Лебина однозначно не обозначает свою позицию в большой дискуссии о сущности социалистического модерна, она убедительно показывает, что в основе советской и «капиталистической» модернизации были одни и те же идеи, которые воплотились в жилищной и градостроительной политике Никиты Хрущева. Исследовательница дополняет и развивает тезис Анны Крыловой, согласно которой «индивидуализация была важнейшей составляющей социалистического модерна, несмотря на его нерыночную природу» (Крылова 2016).

Отсутствие ссылок на источники и литературу, посвященную советской жилищной политике периода оттепели и советскому градостроению, можно считать одной из труднообъяснимых особенностей книги. Автор аргументирует это жанровыми особенностями научпопа. Однако, на мой взгляд, отсутствие сносок на источники и литературу не помогают, но усложняют чтение. Такие указатели были бы весьма полезны, хотя бы чтобы понять, что нового внесло исследование в уже существующую дискуссию о советских хрущевках.

Известный российский урбанист Марк Меерович ввел в широкий оборот понятие «трудо-бытовой коллектив». На него ориентировалась вся советская градостроительная и жилищная политика конца 1920-х – начала 1950-х годов. Этот термин означает «объединение тех, кто вместе не только в производственно-управленческом отношении, но и в территориально-бытовом» (Меерович 2016:9). Лебина отталкивается от этого концепта, предлагая читателю понятие микрорайона, который, по ее мнению, стал «орудием разрушения трудо-бытового коллективного пространства» и альтернативой «сталинскому стилю» (с. 94). В новом пространстве труд замещался частным, семейным, досуговым. Таким образом, работая с хрущевками как объектами советской социальности, Лебина не столько предлагает новый подход к их осмыслению, сколько развивает уже имеющийся.

Нельзя считать новым и стремление автора монографии маркировать хрущевскую политику как новый этап в советской урбанистике. Подход к повседневным практикам, ориентированный на потребление, четко разделяет советскую жилищную политику и процессы урбанизации конца 1950-х годов и предыдущих десятилетий (Smolyak 2016:169). Вслед за Кристин Варга-Харрис (2011; Varga-Harris 2015) Лебина полагает, что хрущевская политика стала возможна благодаря десталинизации. Более того, она стала ее воплощением. Однако, как и в случае с Мееровичем, несмотря на явные параллели с исследованием Варга-Харрис, Лебина не ссылается на ее книгу (Varga-Harris 2015), что выглядит нарочито, учитывая тематическую близость обеих работ и тот факт, что исследование Варга-Харрис вышло на девять лет раньше исследования Лебиной.

Наконец, размышляя о значении современной дискуссии о хрущевках, Лебина невольно касается вопросов исторической памяти и ностальгии. Автор пишет, что в своем стремлении рассказать о хрущевках, она пыталась оспорить негативное к ним отношение в современном российском обществе. На ее взгляд, само слово «хрущевки» «несет явно пренебрежительный и социально-агрессивный

посыл по отношению к “сугубо советским” канонам строительства» (с. 58). Желая показать хрущевки в позитивном свете, она сравнивает их с западными аналогами и подчеркивает их значение для советской культуры. Однако избранный «оправдательный» тон в разговоре о хрущевках повлиял на саму исследовательскую оптику автора. Иногда кажется, что в своем стремлении увидеть и продемонстрировать читателю позитивный замысел в строительстве дешевого доступного массового жилья в СССР, автор невольно попадает под влияние своих источников. В результате она описывает советскую повседневность определенным образом, как бы доказывая, что в СССР все было почти как на Западе. Это, в свою очередь, сделало невидимыми и незначительными те специфически значимые для культуры СССР особенности, которые связаны со спецификой советского жилья и социальными особенностями самих жильцов. К тому же далеко не все в российском обществе осуждают или негативно воспринимают хрущевки, как это представляет автор. Развитие цифровых медиа и демократизация памяти, то есть доступность разным группам людей возможности высказывать свое мнение о прошлом, стали новым фактором современности. В итоге многие советские вещи в принципе трудно рассматривать с точки зрения бинарной оппозиции «просоветский – антисоветский». Это касается как образцов типового строительства периода оттепели, так и социалистического урбанизма в целом. Судя по контенту из популярных соцсетей, эстетизация социалистического типового градостроения – широко распространенное явление, характерное не только для России и постсоветского пространства, но и для некоторых стран бывшего Восточного блока¹. На YouTube, например, публикуются ролики о попытках построить социалистический город в одном из градостроительных симуляторов; другой ролик здесь же – о том, как игрок строит хрущевку определенной серии (!) в популярной игре «Minecraft»². Уже одно это показывает, что отношение к типовому жилью и к хрущевкам в частности – не всегда пренебрежительное и социально-агрессивное, как об этом пишет Наталия Лебина.

Разумеется, трудно интерпретировать эти практики как однозначно положительные: возможно, для изучения эстетики воспоминаний нужна другая теоретическая рамка – такая, которая может охватить не только вербальные и визуальные тексты, но и аудиоматериалы (примером такого подхода может служить *sovietwave* – музыкальное направление, вдохновленное советской электронной музыкой и ретрофутуризмом).

¹ См. например: публикацию пользователя *balkan.stories* о башнях Рудо в Белграде (Instagram, September 30, 2023, <https://www.instagram.com/p/Cx0Xu97MQun>); публикацию пользователя *easterneuropevibe* о типовой застройке под заголовком «POV: You Live in an Average Block» (Instagram, July 27, 2024, <https://www.instagram.com/p/C96r7g1I1As>).

² Строительство вымышленного социалистического города Altengrad в компьютерной игре «Cities: Skylines» (Akruas, “Socialist Realism in Huge Housing Projects—Cities: Skylines—Altengrad 59,” August 18, 2022, video, 26:18, <https://www.youtube.com/watch?v=ARkblfcsrw>); строительство хрущевки серии 1-447 в компьютерной игре «Minecraft» (Gullman, “Построил реалистичную Хрущевку!,” December 2, 2023, video, 12:35, https://www.youtube.com/watch?v=_rf161KFU40).

В то же время «Хрущевки» Лебиной являются важным вкладом в дискуссию о том, как советская жилищная политика рубежа 1950–1960-х годов была вписана в общемировой контекст. Подробные и занимательные экскурсы в историю вещей и практик, окружающих советских граждан периода оттепели, действительно показывают масштаб изменений, к которым привело массовое строительство типового жилья. Несомненное достоинство книги – присущий Лебиной занимательный стиль изложения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Варга-Харрис, Кристина. 2011. «Хрущевка, коммуналка: социализм и повседневность во время “оттепели”». *Новейшая история России* 1(1):160–166.
- Крылова, Анна. 2016. «“Советская современность”: Стивен Коткин и парадоксы американской историографии». *Неприкосновенный запас* 4(108). https://www.nlobooks.ru/magazines/neprikosnovenny_zapas/108_nz_4_2016/article/12105/.
- Лебина, Наталия. 2008. *Энциклопедия банальностей. Советская повседневность: контуры, символы, знаки*. 2-е изд. СПб.: Дмитрий Буланин.
- Лебина, Наталия. 2014. *Мужчина и женщина: тело, мода, культура. СССР – оттепель*. М.: Новое литературное обозрение.
- Лебина, Наталия. 2015а. *Повседневность эпохи космоса и кукурузы. Деструкция большого стиля: Ленинград, 1950–1960-е годы*. СПб.: Книга: Победа.
- Лебина, Наталия. 2015б. *Советская повседневность: нормы и аномалии. От военного коммунизма к большому стилю*. М.: Новое литературное обозрение.
- Лебина, Наталия. 2019. *Пассажиры колбасного поезда. Этюды к картине быта российского города: 1917–1991*. М.: Новое литературное обозрение.
- Меерович, Марк. 2016. «От коммунального – к индивидуальному: неизученные страницы жилищной реформы Н. С. Хрущева». *Вестник ТГАСУ* 2:28–33.
- Smolyak, Olga. 2016. Review of *Stories of House and Home: Soviet Apartment Life during the Khrushchev Years*, by Christine Varga-Harris. *Laboratorium: Журнал социальных исследований* 8(2):169–172.
- Varga-Harris, Christine. 2015. *Stories of House and Home: Soviet Apartment Life during the Khrushchev Years*. Ithaca, NY: Cornell University Press.